

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 3 / 2023, Vol. 14, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK323.pdf>

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бабинцев, В. П. Метаболическая «ксеноизация» городской субкультуры в условиях гибридной социальной реальности / В. П. Бабинцев, Я. И. Серкина, А. Э. Ушамирский // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK323.pdf>

For citation:

Babintsev V.P., Serkina Ya.I., Ushamirskiy A.Eh. Metabolic «xenoization» of urban subculture in a hybrid social reality. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(3): 13SCSK323. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта Программы «Приоритет — 2030» № 23320016 «Разработка научно-методической базы мониторинга изменений социума приграничного региона в условиях специальной военной операции»

УДК 316.422.44

Бабинцев Валентин Павлович

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Профессор кафедры «Социальных технологий и государственной службы»

Доктор философских наук, профессор

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=265785

Серкина Яна Игоревна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

Доцент кафедры «Менеджмента и маркетинга»

Доктор социологических наук, доцент

E-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5106-7104>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=643045

Ушамирский Алексей Эдуардович

ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права», Волжский, Россия

«Юридический» факультет

Декан

Доктор социологических наук, доцент

E-mail: aushamirskiy1973@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=661640

**Метаболическая «ксеноизация»
городской субкультуры в условиях гибридной
социальной реальности**

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития современной городской субкультуры. Обосновывается, что его характерной чертой становится насыщение культурного пространства техническими и технологическими компонентами, которые рассматриваются в качестве «ксеноэлементов» — артефактов и представлений, сформировавшихся в сфере

техники и технологий и постоянно проникающих в культуру. Этот процесс, содержание которого авторами рассматривается в контексте теории социоэкологического метаболизма и возникновения социобиотехнических систем (СБТ-систем), определяется как «ксеноизация» городской субкультуры, выявляются его предпосылки, кроющиеся в специфике организации городской жизни (индустриализация культуры, ее массовизация и рационализация, социальное отчуждение). Подчеркивается, что «ксеноизация» городской субкультуры не несет в себе однозначно негативного содержания и реализуется посредством сознательной деятельности людей. В ходе ее предпосылки «ксеноизации» превращаются в реальные практики, которые отражают установки и ориентации, преобладающие в городском сообществе. На основании результатов ряда социологических исследований анализируется специфика этих установок. Предметом настоящего исследования являются диспозиции горожан — непосредственных участников процесса метаболизации городской субкультуры на ее «ксеноизацию», которые проявляются прямо, либо имплицитно содержатся в суждениях относительно технологической модернизации данной сферы. Различные аспекты репликации метаболической «ксеноизации» городской субкультуры авторы попытались рассмотреть в ходе нескольких эмпирических исследований: «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в региональных вузах», «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды». Проведенные исследования дают основание рассматривать наполнение современной городской субкультуры техническими и технологическими элементами в качестве устойчивой и постоянно нарастающей тенденции. Этот процесс определен авторами как метаболическая «ксеноизация» субкультуры.

Ключевые слова: городское сообщество; городская культура; городская субкультура; социально-экологический метаболизм; социобиотехническая система; ксеноизация; ксеноэлементы; технологизация; цифровизация; дигитализация

Введение

Современная социальная реальность имеет гибридный характер, проявляющийся во взаимопроникновении ранее относительно автономных по своим содержательным характеристикам общественных сфер, сочетающийся с взаимопроникновением и взаимообусловленностью реального и виртуального пространства [1, с. 63]. Специалисты чаще всего обращают особое внимание на второй аспект проблемы — особое сочетание объектов естественного и виртуального ряда [2, с. 271]. В значительно меньшей степени уделяется внимания первому — интеграции различных, ранее относительно автономных сфер жизни. Между тем гибридные процессы проявились на этом уровне, существенно изменив традиционную конфигурацию общественной жизни, побуждая к отказу от стереотипных представлений. В полной мере данное утверждение относится к сфере культуры, особенностью развития которой становится насыщение культурного пространства нетрадиционными элементами. Некоторые из них конфликтуют с исторически сложившимися в сфере культуры представлениями, другие нейтральны, а иногда даже комплементарны по отношению к ним. Но в любом случае новые элементы изначально инородны культурной традиции, поскольку сформировались либо в рамках иной сферы общественной жизни, либо отражают установки и ориентации иной ментальности.

Констатация данного обстоятельства выглядит банальностью, если трактовать культуру в предельно широком смысле как все, что создано человечеством. Но если исходить из ее узкой трактовки как области, в которой формируются ценности и смыслы развития цивилизации и реализуются адекватные им практики, она не выглядит очевидной и требует пояснений.

Безусловно, культура во все времена была тесно связана с другими сферами общества — технической, производственной, биоэкологической и т.п. На границах между ними формировались специфические социокультурные феномены. При этом по мере развития количество «пограничных» культур возрастало. Однако существенным было то, что инокультурный компонент имел в них подчиненный характер, органически увязываясь с собственно культурной компонентой, которая выступала в качестве ведущей. Этот компонент был востребован лишь в той мере, в какой обеспечивал реализацию культурного процесса, то есть производство, воспроизводство и трансляцию ценностей, смыслов, социокодов поведения. Иллюстрацией симбиоза аутентичных культурных и иных видов социальных служат песенная строка «Какая песня без баяна», где баян — важный инструмент (техническое средство), но значимый лишь в контексте песни — как выразились бы, очевидно, сегодня — культурного продукта.

Гибридная реальность изменила ситуацию, наполнив область культуры компонентами, не только сохраняющими свою «внекультурную» значимость, но и формирующими социокультурный процесс, меняющими его не только в формальном, но и в содержательном отношении. Эти компоненты вполне могут быть определены как «ксеноэлементы», а для характеристики общего содержания инкорпорирования их в область культуры может быть использовано понятие «ксеноизация». Несмотря на то, что в данном случае применяется термин, образованный от греческого — *xenos* — чужой, чуждый, имеющий преимущественно негативную коннотацию, в значительной степени из-за включенности его в качестве составной части в термин «ксенофобия», он, на наш взгляд, вполне может быть использован для характеристики происходящих изменений при условии отказа от его политизированной и идеологизированной интерпретации. В рассматриваемом контексте «ксеноизацию» можно определить как процесс включения в сферу культуры любых элементов, имеющих несистемный по отношению к ней характер, играющих в пределах социокультурного пространства не только служебную, но и формирующую роль.

Обоснованным использование данного понятия является при наличии нескольких условий. К ним мы относим:

- Отмеченный выше отказ от трактовки «ксеноэлементов» как изначально враждебных локальной культурной традиции, направленных на ее деструкцию. «Чуждый» и «инородный» в нашем понимании не всегда враждебный, несмотря на семантическую близость этих понятий. В данном случае уместным будет придерживаться принципа мышления в высокой размерности, сформулированное Н. Талебом. Согласно ему, «в сложных системах нет одномерных причинно-следственных механизмов» [3, с. 27].

- Дифференцированный подход к оценке рассматриваемых явлений, логически вытекающего из первого требования, связанного с недопущением редукции феноменов «ксеноизации» к однозначно деструктивным или социально «токсичным» процессам в культуре.

- Представление, согласно которому они возникают не только в результате кросс-культурного взаимодействия, но и под влиянием тенденций развития сообществ, носителей культуры, каждое из которых представляет собой в интерпретации В.П. Римского «субобщественное объединение в свободную ассоциацию на основе особых интересов, ситуативной общей цели и специфической деятельности, в которой целое и цели подчинены воле отдельных и разных лиц, а реализация интересов и целей осуществляется путем принятия согласованных свободных решений» [4]. Или же в близкой трактовке Р. Парка — в территориально организованную популяцию, более или менее укорененную на земле, «члены которой живут в состоянии взаимозависимости, которая симбиотична у животных и социетальна у людей». Уместно вспомнить, что Р. Парк выделял четыре фактора, образующие

человеческое сообщество: население; артефакты (технологическая культура); обычаи и верования (нематериальная культура); природные ресурсы, среда обитания». Два из них непосредственно связаны с культурой [5].

- Допущение как стихийного, так и целенаправленного характера «ксеноизации». При этом ни один из этих вариантов не реализуется в «чистом» виде и не может рассматриваться в качестве наиболее предпочтительного. Более того, сложность и многомерность культурных процессов зачастую не позволяет с точностью определить, где заканчивается стихийность и начинают осуществляться планы участвующих в них акторов (следует отметить, что эти планы также не предполагают одномерной оценки в рамках дихотомии «хорошо — плохо»). И наоборот, обычно трудно предельно точно установить, как сознательная деятельность субъектов трансформируется в стихийные культурные практики, выходя из-под контроля ее творцов.

С учетом данных условий целесообразно выделить две наиболее распространенные формы «ксеноизации» культуры, которые условно можно определить как структурные, то есть обусловленные воздействием на ее другие сегменты социального пространства:

- Метаболическая — она выражается в привнесении в культурный процесс элементов (артефактов и представлений), сформировавшихся в технике и экологии в ходе процесса социально-экологического метаболизма и формирования социобиотехнических систем. Мы рассматриваем социально-экологический метаболизм как осуществляемый посредством человеческой деятельности способ существования гибридных социобиотехнических (техноантропогенных) систем. То сеть систем, интегрирующих в себе технико-технологические, биохимические и социальные элементы. Суть процесса состоит в их интенсивном взаимодействии со средой по алгоритму циклического обмена продуктами жизнедеятельности, включающему этапы: «вход» (аккумуляция «веществ», питающих город) — преобразование (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных «веществ») — «выход» (выброс отходов «процессов жизнедеятельности в окружающую среду») — трансформация отходов. В данном случае нам представляется убедительной предложенная О.Н. Яницким концепция метаболизма современного города как сетевой системы. «Современный город, — писал исследователь, — сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «подвешен» на сетях, питающих его энергией и ресурсами, поступающими извне. Человек, создавший город и живущий в нём, не только конфликтует или договаривается, объединяется или дифференцируется» [6, с. 22]. При этом он подчеркивал, что важнейшим фактором метаболизации в настоящее время являются цифровизация и дигитализация социального пространства.

- Институциональная (менеджеральная), связанная с внесением в культурную среду представлений, сложившихся в ходе реализации управленческих практик.

Определение их в качестве структурных обусловлено необходимостью отделить от иных форм «ксеноизации», которые носят не структурный, но субстанциональный характер. В то время как первые модифицируют преимущественно самоорганизацию культурного пространства, вторые проявляются главным образом в ходе взаимодействия различных субкультур, меняя их в содержательном отношении. В современной реальности к ним целесообразно отнести:

- номадическую, вызванную ростом притока мигрантов, носителей иных культурно-цивилизационных паттернов, инкорпорирование которых в автохтонную культуру неизбежно привносит в нее нетрадиционные представления, установки и ориентации;

- медийно-сетевую — реализующуюся посредством распространения информации в СМИ, которая в современном обществе становится максимально доступной как для «творцов» культуры, так и для массового потребителя, и ограничить эту доступность не способны никакие фильтры.

Все эти формы переплетаются в реальной жизни, создавая значительные сложности для социального анализа каждой из них. В полной мере мы относим данное утверждение к метаболической «ксеноизации», пока еще не ставшей предметом глубокого анализа в отечественной литературе.

Тем не менее она существенным образом затрагивает **любую** субкультуру, под которой вслед за О.Н. Римской мы понимаем отличающийся от материнской культуры особый ценностный мир, выражающийся в специфических стереотипах поведения и деятельности, воплощенных в знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилевого поведения; групповых формах культурных стандартов.¹ Однако наиболее рельефно метаболизация проявляется в субкультуре урбанизированных сообществ, что в значительной степени обусловлено ее характеристиками, связанными с технологизацией условий их развития.

Для современного города типична отчетливо выраженная индустриальная детерминация культурного процесса (в данной статье понятия «городская культура» и «городская субкультура» используются как равнозначные, поскольку, выступая в качестве самостоятельного феномена, первая является относительно самостоятельной по отношению к материнской культуре, представленной культурой социума в целом), что в свое время позволило М. Хоркхаймеру и Т. Адорно обосновать концепцию индустриальной культуры, типичными чертами которой являются промышленное производство стандартизированных новшеств, рассчитанных на массовое потребление [7]. Организованное по индустриальной модели культурное производство требует разделения труда между участниками, осуществления в виде производственного цикла и выстраивания с учетом запросов клиентов. Это сближает культурную сферу с промышленным производством, размывая границы между культурой как специфической сферой, связанной с производством ценностей и смыслов и, образно говоря, «некультурой», ориентированной на решение иных проблем. Между тем эти границы довольно очевидны и заключаются в том, что область культуры в строгом значении данного понятия начинается там, где формируются ценности и смыслы деятельности человека, определяются для него дозволения и запреты. И хотя любая сфера человеческой деятельности так и или иначе апеллирует к ценностно-смысловой тематике (что, собственно, и порождает отмеченный выше феномен «пограничных» культур), она ни в одной из них не выступает, как в культуре, сущностной характеристикой.

В контексте индустриального подхода на сферу культуры начинают распространяться идеи социальной инженерии и социальной технологизации, сформулированные в работах К. Поппера, Р. Паунда, А.К. Гастева, Н. Стефанова, А.А. Богданова, что во многом обоснованно и уместно. Но одним из отрицательных эффектов этого процесса является утверждение представления о том, что универсальные технологические категории в культурной среде уместны почти в той же степени, что в экономике или в управлении.

В еще большей степени индустриальная детерминация городской субкультуры воплощается в ее инструментальном обеспечении. В городе культурный процесс не только в значительно большей степени, чем на селе (и это вполне естественно), реализуется с помощью технических средств, но здесь в силу своего массового характера и интенсивности

¹ Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: [Текст] дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. Тула, 2011. — 48 с.

коммуникаций он буквально зависит от них. И утверждение О.Н. Яницкого о том, что современный город «подвешен» на сетях, составляющих основу его техноструктуры, в полной мере справедливо в отношении городской субкультуры.

Несомненно, индустриальный подход к культуре не исчерпывает всего многообразия культурных процессов в урбанизированной среде, но он выступает в качестве своеобразного системообразующего нарратива, обслуживающего функционирование современного города как детерминированного развитием техники и технологий, в последнее время информатизацией, сетевизацией и цифровизацией, социобиотехнического метаорганизма.

Индустриализация культурного процесса в городе вполне логично отражается в структуре используемых городским сообществом ценностных регуляторов, подтверждая мысль о том, что «различные типы поселений можно рассматривать как формы одновременно пространственной и ценностной организации социальной жизни» [8, с. 62].

Безусловно, было бы чрезмерным упрощением утверждение о наличии однозначно жесткой связи между спецификой города как индустриального центра и технологизацией массового сознания всех (или даже абсолютного большинства) его жителей. Но нельзя не учитывать, что ряд характеристик урбанизированной духовной среды создают для этого благоприятный климат посредством рационализации и прагматизации социальной реальности. Фактически эту тенденцию подметил еще Г. Зиммель, связывая данные процессы с развитием в городах товарно-денежного хозяйства: «Дух современности все более и более проникается математикой. Идеалу естествознания, — превратить мир в арифметическую задачу, уложить каждую часть его в математическую формулу, — соответствует математическая точность практической жизни, вытекающая из денежного хозяйства; это оно так заполнило день такого множества людей взвешиванием, сосчитыванием, числовыми определениями, переводом качественных ценностей на количественные. Этот арифметический характер денег внес в отношение между элементами жизни определенность, точность в определении равноценностей и различий, безусловность договоров и условий; как на внешнее изменение, благодаря этому арифметическому характеру, следует и указать на всеобщее распространение часов. Но причиной и результатом этой черты нашей жизни послужили условия, сложившиеся в большом городе» [9].

В контексте рационализации и прагматизации городской (объективной и субъективной) реальности представление о том, что универсальные понятия, успешно применяемые к сфере промышленного производства, будут не менее результативно работать и в отношении культуры, не выглядит абсурдным. Более того, оно кажется вполне естественным, даже весьма удобным, и находит своих сторонников, особенно в среде культурного бомонда, ориентированных на поиск нестандартных решений, рассматриваемых (с полным основанием или без него) как разрыв с устаревшими стереотипами.

Наконец, дополнительным стимулом технологизации и последующей метаболической «ксеноизации» городской субкультуры является то, что они реализуются в весьма специфическом коммуникативном пространстве. Его существенной характеристикой является высокий уровень социального отчуждения. Еще Г. Зиммель отмечал, что в основе городской жизни «лежит не только безразличие, но и, — гораздо чаще, чем мы это сознаем, — некоторое отвращение, взаимная отчужденность и отдаленность, которые при первом более близком соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу» [9].

Ж. Бодрийяр, характеризуя городскую культуру, утверждал: «Итак, наша культура превратилась в производство отходов. Если другие культуры, в результате простого обменного цикла производили некий излишек и порождали культуру излишка (в виде нежеланного и проклинаемого дитя), то наша культура производит огромное количество отбросов,

превратившихся в настоящую меновую стоимость. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [10].

Но одним из наиболее значимых пространств, в которых формируются источники социального отчуждения, является мир техники и технологий. По своему содержанию он противоположен человеческой природе и является ее диалектическим отрицанием. В этом смысле городская техноструктура, изначально ориентированная на удовлетворение потребностей жителей, одновременно предстает и в качестве фактора социальной дизъюнкции, поскольку предполагает личность лишь как потребителя, «замыкает» ее на себя, ограничивая общение и взаимную лояльность.

Эта тенденция ныне особенно наглядно проявляется в ходе цифровизации городской среды, одним из моментов которой является появление так называемых «техносубъектов». Каждый из них представляет собой «синтетический, искусственный эквивалент индивидуального субъекта» [11, с. 54]. В.И. Игнатьев включает в их число «роботов, Интернет вещей, промышленный Интернет, мобильные переносные средства связи с искусственным интеллектом, все системы глобального слежения через датчики, образующие глобальный Паноптикум» [12, с. 135]. Специалисты предостерегают, что увеличение их числа и расширение возможностей ведет к формированию нового качества социальных связей, которые не могут не затрагивать городскую субкультуру, привнося в нее новые технологии взаимодействий. Но очевидно, эта система вне зависимости от ее субъективных оценок будет еще одним фактором, отчуждающим человека от результатов своей деятельности и от общения с себе подобными.

Таким образом, в самом состоянии городской жизни содержатся предпосылки для насыщения урбанизированной субкультуры изначально инородными к ней техническими и технологическими элементами. Более того, этот процесс довольно успешно реализуется, что отмечают как исследователи, так и представители самых различных отраслей культуры. О.А. Чепурова, в частности, пишет: «Банальностью будет говорить о том, что цифровые технологии на сегодняшний день играют решающую роль в создании продукта визуального искусства. Театр, как наиболее синтетический его вид, естественно, ими не пренебрегает» [13]. Е.Д. Григорьева и А.А. Смолин подчеркивают технологические предпочтения в отношении формата восприятия информации в музейной педагогике, анализируя опыт использования мультимедийных квестов [14]. М.А. Киселева пишет: «Цифровая трансформация затрагивает уже почти все элементы библиотечно-информационной деятельности...» [15].

Вполне обоснованным выглядит в данной связи утверждение, что технологическая эволюция искусства представляется весьма перспективным направлением исследований в социально-гуманитарных науках [16].

Однако, хотя оценки подобные оценки довольно адекватно отражают ситуацию, им в значительной степени присуща неполнота и односторонность. Анализируя те или иные аспекты метаболизации (в большинстве случаев без употребления данного понятия), авторы не пытаются осмыслить противоречивость и неоднозначность данного процесса, что особенно остро проявляется в контексте дигитализации общества, которая, по заключению О.Н. Яницкого, стала вызовом «самой сущности социального» [17, с. 8], следовательно, и культуре, едва ли не наиболее полно выражающей социальность человека.

При этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, метаболизация городской субкультуры не несет в себе только негативное содержание (инородный — не значит деструктивный); во-вторых, поскольку она реализуется посредством сознательной деятельности людей, превращение предпосылок в реальные практики не происходит автоматически, равно как и оценка этих практик не является однозначной. Следовательно, крайне важно понять: как реагирует на происходящие изменения городское сообщество.

Методика исследования

Рассмотреть различные аспекты репликации метаболической «ксеноизации» городской субкультуры мы попытались в ходе нескольких эмпирических исследований.

1. «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», проведенное в городах Белгородской области в январе 2020 года методами анкетного опроса городского населения (выборка квотная; n = 500; выборка квотная); экспертного опроса (n = 30); фокус-группового интервьюирования (две фокус-группы — городская молодежь и работники СМИ, публикующих материалы по проблемам культуры).
2. «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в региональных вузах» (2021 год), осуществленное в Белгородской, Курской, Воронежской, Волгоградской областях методами анкетного опроса (опрошены 150 работников администрации вузов, 300 преподавателей и научных сотрудников вузов 1 000 студентов, выборка целевая), глубинного экспертного интервью (50 экспертов) и фокус-группового интервьюирования (три группы).
3. «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», реализованного в 2022 году методами массового анкетного опроса (n = 1518, выборка квотная) городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования среди представителей молодежи, работников бюджетной сферы, работников органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей, безработных.

Поскольку исследования проводились в трех специфических (приграничных с Украиной) субъектах РФ, полученные результаты не могут автоматически распространяться на все регионы. Однако некоторые из общих тенденций они все же отражают.

Обсуждение результатов

Исследования выявили, что абсолютное большинство горожан (80 %) фиксируют качественные изменения в современной городской культуре. Но тенденцию технологизации городской среды в качестве примера таких изменений в ходе групповых интервью (исследование «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем») отмечали лишь отдельные участники. Большая часть акцентировали внимание на «увеличении разнообразия городской культурной среды».

Различные аспекты технико-технологических изменений подчеркивали главным образом эксперты. 40 % из них в качестве наиболее существенных изменений отмечали реализацию культурного процесса посредством информационных технологий и гаджетов; 23,3 % — формирование гибридных областей культуры, виртуальный характер культурных практик (26,7 %). Все эти изменения имеют более или менее выраженный технологический характер и так или иначе связаны с процессом метаболизации. «Конкурирует» с ними по числу выборов при ответе на вопрос о сущности субкультурных изменений лишь вариант «потребительско-развлекательный характер культурной деятельности» (36,7 %) (рис. 1).

Однако даже эксперты поставили лишь на четвертое место среди факторов, определяющих тенденции изменения городской культуры, развитие современных информационных технологий (средний балл оценки 6,33 из 10 возможных). Первые три места в их выборе заняли городские традиции (7,37), коммерциализация культуры (6,43), характер

культурных запросов населения (6,40), государственная политика в сфере культуры (6,33) и развитие современных информационных технологий (6,33).

Рисунок 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Если в настоящее время происходят качественные изменения городской культуры, то в чем это проявляется?», % (рисунок автора)

То, что в отличие от экспертов массовые потребители культуры обратили незначительное внимание на метаболический характер изменений, на наш взгляд, объясняется двумя главными причинами. Во-первых, «опривыченностью» технологий и гаджетов, использование которых уже не представляется чем-то новым, необычным, напротив, удивляет их отсутствие в повседневных культурных практиках. В то же время до осмысления общих тенденций, связанных с их применением, большинство горожан просто не поднимается. Во-вторых, используя технологии и гаджеты, жители города, тем не менее, имеют о них лишь самое общее, а часто не вполне адекватное представление, особенно если речь идет не об обыденных практиках, а о масштабных тенденциях и их следствиях.

Показательна в данной связи самооценка компетентности в отношении цифровизации. Так в ходе исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» 78,3 % респондентов заявили, что они имеют представление о цифровизации городской среды. Однако их обобщенный взгляд на сущность данного процесса можно проиллюстрировать следующим высказыванием: «Скорее всего, цифровизация — это перевод всего в электронный вид и приучение к этому людей. Проезд по картам. Раньше противились этому, а сейчас привыкли. Удобно. Вот когда нас санкции коснулись, а мы уже привыкли к картам» (Светлана, предприниматель). И оно свидетельствует о довольно упрощенном восприятии цифровой трансформации, вплоть до ее примитивизации. Вполне вероятно, что одной из причин упрощенных оценок является характер источников информации.

Основную информацию о внедряемых цифровых технологиях горожане получают преимущественно из Интернета, так, в частности, работник промышленного предприятия Валерий отмечает: *«Например, в группах Правительства часто читаю информацию». «В группах городских администраций», «Сайты органов власти регулярно просматриваю и группы популярные в городе. Там часто обсуждают всякие новшества»,* — говорит студент Евгений. Но, очевидно, многим жителям трудно отбирать нужную и объективную информацию в общем потоке информационного шума.

Граждане пожилого возраста о новых технологиях и сервисах узнают от родственников или соседей: *«Иногда внуки что-то рассказывают или показывают. Ну, вот недавно надо было справку взять, и что-то там сделать в Интернетях, я попросила внука он как-то помог»* (Галина, пенсионер).

В качестве примеров цифровизации были приведены разнообразные сервисы и технологии, используемые в быту или при получении услуг:

Анна (работник бюджетной сферы): «Запись приема к врачу. Нам не нужно идти, становится в очередь, мы можем сделать это из любого места». Игорь (предприниматель): «Госуслуги. Какие-то справки определенные можно заказать. Функционал у них хорошо реализуется». Ирина (муниципальный служащий): «Регистрация недвижимости. Или цифровое ГТО, в школе проходили. Правда, проходили в основном не школьники, а родители, так как детки проходили не подготовленные». Виктория (студент): «Ну, вот умные светофоры, я не знаю, тоже считаются? Еще умные камеры, которые фиксируют правонарушения». Семен (учитель): «Мне больше всего помогает интернет-сервис Яндекс-карты, вкладка «автобусы», отметки в приложении очень помогают». Светлана (предприниматель): «Документооборот электронный, например. Это очень удобно. Никуда не нужно ездить, на почту ходить. Переживать за бумажки, доставят их или нет. Раньше нужно было много бумаг заполнять, а сейчас нажал на кнопку — и готово».

Представление о дигитальных последствиях цифровизации, ведущих к качественным изменениям городской социокультурной среды, у населения фактически отсутствует.

Несмотря на то, что сам факт высокой социодинамики культурного процесса в современном городе фиксируется общественным сознанием, жители чаще всего не связывают ее с изменениями, которые можно определить как метаболические. Насыщение культуры техникой и технологиями значительной частью горожан воспринимается в качестве привычного процесса, не противоречащего общей логике общественного развития. Этот процесс не вызывает у большинства из них тревоги (в частности, лишь 26,1 % респондентов в процессе этого исследования признали наличие беспокойства; 15,3 % — да, 13,8 % — скорее да, чем нет; в связи с массовым внедрением цифровых технологий), хотя и не дает оснований для чрезмерного оптимизма в отношении перспектив развития городской культуры в контексте технико-технологических трансформаций.

Показательно, что в ходе исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» 36,6 % жителей городов Белгородской области отметили, что применение технических средств (в нашей интерпретации — «ксеноэлементов») сделало культуру более востребованной. Противоположной точки зрения придерживались 43,4 %. При этом наиболее оптимистично были настроены молодые люди, среди которых 51,7 % полагали — широкое применение ИКТ сделало культуру более востребованной. Но, несмотря на преобладание негативных оценок, разрыв между сторонниками обеих позиций не является, по нашему мнению, критическим, по меньшей мере, в настоящее время. Правда, возрастание доли позитивных оценок в младшей возрастной когорте дает основание предполагать, что в перспективе доля сторонников технологизации

культурных практик и их «ксеноизации», скорее всего, будет расти. И это является неизбежным следствием трансформации социума в процессе его продвижения к цифровому обществу как обществу, «в котором создана мультисредовая инновационная среда жизнедеятельности, аккумулирующая социокультурное и средовое пространство» [18, с. 51].

Представляет особый интерес аргументация, которую приводили участники опроса для обоснования своих позиций. Респонденты, отмечавшие позитивное влияние технических средств и технологий на культурный процесс в городе (условно — «оптимисты»), связывали его с преимущественно с внешними по отношению к содержанию городской субкультуры факторами, с обстоятельствами организационного характера, которые, безусловно, важны, но до настоящего времени не воспринимались в качестве приоритетных. Прежде всего, с повышением доступности культурных ценностей (41,6 %), предоставлением возможности непосредственно обсудить и оценить результаты культурной деятельности (22,2 %), появлением новых видов искусства на основе информационных технологий (22,2 %).

«Пессимисты», напротив, апеллировали преимущественно к содержательной стороне субкультуры. В качестве главного аргумента они, в частности, сослались на то, что в результате технологизации растут объемы некачественной и недостоверной информации — «культурного мусора». Лишь 20 % заявляли: под влиянием технологических инноваций происходит деградация традиционных форм создания и потребления культурных ценностей. 17,2 % напоминали о распространении «пиратства», нарушающего авторские права, 16,2 % — о превращении культуры в товар.

Проблема «культурных отходов» («культурного мусора») имеет непосредственное отношение к метаболизации городской субкультуры. Собственно говоря, трансформация отходов — заключительный и обязательный этап метаболического развития. Так О.Н. Яницкий акцентировал на нем особое внимание и связывал с анализом данного этапа специфику своей концепции городского социально-экологического метаболизма: «Принципиальная новизна предлагаемого автором статьи подхода к анализу городов и иных социобиотехнических систем заключается в том, что жизнь «отходов», выброшенных ими в среду обитания, включая биосферу, также предполагает их дальнейшие метаболические трансформации. В результате в этой среде могут сформироваться вредные и даже смертельно опасные вещества, которые воздействуют как на названные природные и социотехнические системы, так и на саму среду, в которой совершаются эти превращения. В основе столь разных процессов (природные, демографические или социально-экономические) всегда лежат «полезные» или «вредоносные» метаболические трансформации» [19, с. 21].

Исследования показали, что феномен «культурного мусора», критерии определения которого довольно размыты (в качестве таковых участники фокус-групп (35 % респондентов-«пессимистов» пытались предложить низкое эстетическое содержание культурного продукта (40 %), деструктивное воздействие на общество (30 %) и неспособность обеспечить воспроизводство и развитие личности (26,7 %)), нуждается в разъяснении.

Мы в свое время определили «культурный мусор» как совокупность потенциально, либо реально деструктивных продуктов жизнедеятельности урбанизированного сообщества, сформировавшихся в социокультурной сфере, которые в конкретных условиях не могут быть использованы для воспроизводства города и городского сообщества на основе принципа социальной конъюнкции, в силу этого остаются невостребованными большей частью горожан и не рассматриваются ими в качестве ценности [20]. Таким образом, «культурный мусор» не следует воспринимать только негативно, тем более увязывая это с технологизацией культурной среды. Он деструктивен (социально токсичен) лишь потенциально, поскольку главным критерием его определения является невостребованность в конкретный период развития города большинством его жителей (следует иметь в виду, что в городском сообществе всегда найдутся

группы, для которых останутся востребованными продукты культурного творчества, отвергаемые по тем или иным причинам основной массой граждан).

Судьба «культурных отходов», если следовать концепции О.Н. Яницкого, может быть двойкой. Часть из них «утилизируется» (прекращает свое существование в качестве феноменов публичного дискурса) естественным или искусственным путем. Но часть способна актуализироваться вновь либо вследствие изменения условий, либо переоценки ценностей горожан. Оба варианта, на наш взгляд, возможны применительно к «ксеноэлементам» городской субкультуры. При этом последние способны даже чаще, чем традиционные компоненты (ценности, нормы и т. п.), «утилизироваться» или переходить из состояния «отходов» в функциональное состояние. Причина этого связана с высокой динамикой технико-технологического процесса в современном обществе, пребывающем в состоянии перманентной модернизации.

Высокий темп совершающихся перемен по-разному воспринимается людьми, часть из которых, не способная быстро адаптироваться к лавинообразным инновациям в техносфере и к их «инвазии» в культурную среду, реагирует на это распространением пессимизма и фобий, что довольно характерно в отношении оценок процесса цифровой трансформации. Доля этих людей относительно невелика (исследование «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» выявило, что подобные ощущения испытывают 29,1 % горожан), но страхи в отношении последствий цифровизации носят преимущественно экзистенциальный характер. Наибольшее беспокойство, в частности, вызывают увеличение возможности контроля за частной жизнью граждан (29,3 %), снижение уровня защищенности личных данных (22,5 %), угроза создания «цифрового рабства» (23,7 %). Менее всего жителей беспокоят нарастание отчуждения между людьми (17,5 %) и усиление зависимости от технологий (15,2 %).

Весьма примечательным является то, что степень распространения фобий нельзя объяснить недостаточной компетентностью людей, их низким уровнем образования и культуры. Показательно, что в ходе исследования на вопрос «Вызывает ли у Вас распространение цифровых технологий чувство психологического дискомфорта (страхи, опасения, тревогу)?», положительно ответили 34,7 % респондентов, в число которых входили обучающиеся и работники вузов. Следовательно, отношение к внедрению цифровых технологий не зависит от уровня образования, являясь довольно устойчивым для различных статусных групп, что является основанием для предположения о более или менее гомогенной позиции городского сообщества применительно к метаболическим «ксеноэлементам» в целом. Однако это предположение нуждается в дополнительной проверке.

«Технофобии» горожан не могут не влиять на оценку процесса метаболической «ксеноизации» субкультуры города. Однако в целом размытое представление жителей о многих аспектах данного процесса не актуализирует возникающие в этой связи противоречия и проблемы. Более или менее отчетливо просматривается лишь отмеченное выше разграничение между преимущественно позитивной оценкой последствий внедрения инструментальных (обеспечивающих функционирование) «ксеноэлементов» и преобладанием относительно негативного восприятия содержательных (терминальных) перемен. Отмеченное разграничение в настоящем времени не ведет к переосмыслению оснований городской субкультуры. Технологии пока не выступают в качестве ее доминирующего компонента.

Среди характеристик, отличающих, по мнению респондентов, «культурного человека», условно «технологические» (техническая грамотность, владение компьютерными технологиями, умение пользоваться гаджетами) занимают отнюдь не лидирующие позиции (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«По каким главным качествам Вы обычно определяете сегодня
культурного человека? (укажите не более 5 вариантов ответа)»**

По каким главным качествам Вы обычно определяете сегодня культурного человека? (укажите не более 5 вариантов ответа)	Количество	
	абс.	%
Ум, знания	264	52.80
Общительность, открытость к людям	231	46.20
Здоровый образ жизни	118	23.60
Техническая грамотность	75	15.00
Хорошие манеры	300	60.00
Активность в социальных сетях	32	6.40
Отсутствие вредных привычек	89	17.80
Владение компьютерными технологиями	26	5.20
Честность, порядочность	183	36.60
Правильная речь	241	48.20
Забота об окружающей среде	92	18.40
Умение хорошо и модно одеваться	20	4.00
Хорошая физическая форма	30	6.00
Психологическая устойчивость	129	25.80

Составлена автором

Но общая тенденция развития с неумолимостью формирует иную конфигурацию структуры городской субкультуры, в рамках которой технологические «ксеноэлементы», скорее всего, будут выступать в качестве терминальных ценностей.

Выводы

Проведенные исследования дают основание рассматривать наполнение современной городской субкультуры техническими и технологическими элементами в качестве устойчивой и постоянно нарастающей тенденции. Этот процесс определен нами как метаболическая «ксеноизация» субкультуры. При этом мы подчеркиваем, что вводимое нами понятие, несмотря на его вероятную негативную коннотацию, адекватно отражает суть происходящих в условиях гибридизации общества субкультурных перемен, акцентирует внимание на исходной инородности инкорпорируемых технико-технологических компонентов («ксеноэлементов») существенным характеристикам культурной среды, не отрицая, но, скорее, предполагая возможность их адаптации в городской среде.

Более того, условия развития современного города, фактически, превращают метаболизацию городской субкультуры, представляющую процесс ее функционирования как сложно структурированной гибридной системы, соединяющей социальные, технико-технологические и биоэкологические компоненты в одну из доминирующих тенденций развития урбанизированных пространств.

Можно предположить, что именно социобиотехническая система выступит в качестве наиболее перспективной модели самоорганизации городской субкультуры в цифровом обществе, обеспечивая ее оптимальное взаимодействие с технологической и природной средой. По меньшей мере, для этого имеются реальные предпосылки, наиболее существенные из которых связаны с установками и ориентациями городского сообщества. Принципиально важно в данной связи, что большая часть горожан, отмечая существенные изменения в

городской субкультуре, в том числе и имеющие технологическую природу, не воспринимают их в духе алармизма, призывов противодействовать процессу утраты аутентичности культурной среды.

В общественном сознании преобладает довольно взвешенное отношение к технологизации урбанизированной субкультуры. При этом позитивные изменения, происходящие в ней под воздействием данного процесса, горожане связывают преимущественно с модификациями инструментального характера (повышение доступности, включение культурных аспектов в публичный дискурс); негативные — с переменами содержательного характера, выражающимися в увеличении объема «культурного мусора», в ряде случаев не вполне связывая его происхождение с метаболическими процессами.

Однако недостаточная адекватность диспозиции части горожан в отношении интеграции в субкультурную среду «ксеноэлементов», хотя и замедляет процесс ее «ксеноизации», не является для него непреодолимым препятствием. И в рамках логики технологического (сегодня — цифрового и дигитального) развития, несмотря на возникающие риски, он становится наиболее вероятным сценарием трансформации урбанизированной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества: монография [Текст]. Томск: изд-во Томского политехнического университета, 2021. — 226 с.
2. Зейналов Г.Г. Гибридная (смешанная) объективно-виртуальная реальность и кризис социокультурной целостности человека [Текст] // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы: сборник научных статей / Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург: [б. и.], 2021. — С. 271–274.
3. Талев Н. Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с.
4. Римский А.В., Римский В.П. Что зовется сообществом в присутствии общества? [Текст] // Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа: Сборник материалов Международной научной конференции, Белгород, 21–22 октября 2019 года. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. — С. 8–34.
5. Парк Р. Экология человека [Текст] // Теоретическая социология. Антология. В 2-х кн. Под ред. С.П. Баньковской. М.: Университет, 2002. — Ч. 1.
6. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города [Текст] // Социологическая наука и социальная практика. — 2013. — № 3. — С. 6–32.
7. Max Horkheimer, Theodor W. Adorno Dialektik der Aufklaerung Philosophische Fragmente S. Fischer Veriag GmbH Frankfurt am Main 1969. P. 11–20.
8. Трофимова А.Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян [Текст] // Социологическая наука и социальная практика. — 2014. — № 3(7). — С. 60–78.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Текст] // Логос. 2002. № 3(34). [Электронный ресурс] URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).

10. Бодрийяр Ж. Город и ненависть [Текст] // Логос. 1997. № 9. С. 107–116. [Электронный ресурс] URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm> (дата обращения: 27.06.2023).
11. Бескаравайный С. Бытие техники и сингулярность. [Текст] М.: РИПОЛ классик, 2018. — 154 с.
12. Игнатъев В.И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущности-конструкторов» [Текст] // Идеи и идеалы. 2021. Том 13. № 1. часть 1. С. 135.
13. Чепурова О.А. Цифровые технологии как инструмент реконструкции театрального события // Культура и технологии. 2017. Том 2. Вып. 4. С. 97–104. [Электронный ресурс] URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i4/124> (дата обращения: 03.07.2023).
14. Григорьева Е.Д., Смолин А.А. Использование мультимедийных квестов в музейной педагогике // Культура и технологии. 2019. Том 4. Вып. 1. С. 16–23. [Электронный ресурс] URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2019/v4-i1/172> (дата обращения: 01.07.2023).
15. Киселева М.А. Цифровизация и другие современные тенденции в области развития игровых технологий в культурно-просветительской деятельности детских библиотек // Культура и технологии. 2022. Т. 7. Вып. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i1/128> (дата обращения: 05.07.2023).
16. Королёва Л.А. Цифровая эволюция искусства: социокультурный анализ в контекстах философии и культуры постмодерна // Культура и технологии. 2018. Том 3. Вып. 1-2. С. 20–28. [Электронный ресурс] URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2018/v3-i1/128> (дата обращения: 30.06.2023).
17. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания [Текст] // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1(21). С. 7–22.
18. Василенко Л.А. Социология цифрового общества: монография [Текст] / Л.А. Василенко, Н.Н. Мещерякова. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.
19. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города [Текст] // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 6–32.
20. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Феномен социокультурного городского мусора: к постановке проблемы [Текст] // Урбанистика. 2020. № 1. С. 122–133.

Babintsev Valentin Pavlovich

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=265785

Serkina Yana Igorevna

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5106-7104>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=643045

Ushamirskiy Aleksey Ehdvardovich

Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky, Russia
E-mail: aushamirskiy1973@mail.ru
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=661640

Metabolic «xenoization» of urban subculture in a hybrid social reality

Abstract. The article examines the process of development of modern urban subculture. It is proved that its characteristic feature is the saturation of the cultural space with technical and technological components, which are considered as «xenoelements» — artifacts and representations formed in the field of technology and technology and constantly penetrating into culture. This process, the content of which is considered by the authors in the context of the theory of socio-ecological metabolism and the emergence of sociobiotechnical systems (SBT systems), is defined as «xenoization» of urban subculture, its prerequisites are revealed, which lie in the specifics of the organization of urban life (industrialization of culture, its massization and rationalization, social alienation). It is emphasized that the «xenoization» of the urban subculture does not carry unambiguously negative content and is realized through the conscious activity of people. During its course, the prerequisites of «xenoization» turn into real practices that reflect the attitudes and orientations prevailing in the urban community. Based on the results of a number of sociological studies, the specifics of these attitudes are analyzed. The subject of this study is the dispositions of citizens — direct participants in the process of metabolizing the urban subculture to its «xenoization», which are manifested directly or implicitly contained in judgments regarding the technological modernization of this sphere. The authors tried to consider various aspects of the replication of metabolic «xenoization» of urban subculture in the course of several empirical studies: «Socio-cultural consequences of the formation of urbanized sociobiotechnical systems», «Limitations and risks of the introduction of digital technologies in regional universities», «Social consolidation of urban communities: opportunities and limitations in the conditions of digitalization of urbanized environment». The conducted research gives grounds to consider the filling of the modern urban subculture with technical and technological elements as a stable and constantly growing trend. This process is defined by the authors as a metabolic «xenoization» of subculture.

Keywords: urban community; urban culture; urban subculture; socio-ecological metabolism; sociobiotechnical system; xenoization; xenoelements; technologization; digitalization; digitalization